

2.

Анатолий проснулся оттого, что кто-то настойчиво толкал его в бок.

— Дяденька, дяденька скажи мне, ты маму видел в городе? — возле него сидел Славка и умоляюще смотрел ему в глаза.

Ошарашенный внезапным пробуждением, тот не сразу ответил ребёнку.

— Скажу тебе правду малыш: я не видел твоей мамы. А какая она у тебя? — он повернулся к мальчику и приобнял его своей рукой.

— Мама у меня самая хорошая, самая лучшая, сказала по мобильнику, что приедет за мной, а сама не едет. Я жду, жду, а её нет, — малыш вдруг прижался к Анатолию, а когда поднял голову, в его глазах блестели слёзы. — Если увидишь маму, скажи ей, что я её жду.

Анатолий почувствовал, как маленькое сердечко ребёнка учащённо колотится. Неожиданно тот отпрянул от него и быстро по лестнице спустился на землю.

— Что это он? — поднял голову с подушки Алексей, прищурив спросонья глаза.

— Спрашивал о матери, видел ли я её.

— Бедный ребёнок, жаль его. А нам с тобой вставать пора, а то вдруг Семён Ефимович подъедет, а мы ещё спим.

— Точно, быстренько встаём.

Они сидели на кухне, когда к воротам подъехала машина председателя.

— Здравствуйте! Как наша пресса? Отдохнули хорошо? Я только что с фермы, сейчас в конторе проведу небольшое совещание, потом на чабанские стоянки. Должен вас огорчить: сегодня в Зареченск у нас ни одна машина не идёт, вечернее и утреннее молоко пойдёт в переработку на месте. Завтра пойдут несколько машин точно. Если хочешь, поедем со мной, Анатолий Геннадьевич, напишешь о чабанах, очерк будет интереснее.

— Я готов. Позвоню домой и в редакцию, а то потеряют меня и там, и там.

— Договорились.

Председатель вышел из избы, его машина стремительно отъехала от ворот.

— Анна Елизаровна, простите за беспокойство, придётся ещё ночку у вас ночевать. Мы заплатим, вы не переживайте, — Ермолин протянул ей деньги.

Та сначала отказывалась, но потом взяла.

— Извиняйте вы нас, пенсионеры мы.

— Можно я с вами поеду? — спросил Славка, вертевшийся тут же.

Анатолий оторопел:

— Как я тебя возьму, малыш? Если Семён Ефимович разрешит, то поедешь.

— С ним я часто езжу, он мне говорит: ты мой заместитель.

— Ну, если ты его заместитель, то поедем, — снисходительно разрешил Анатолий.

— Ура-а-а! Я поеду! — запрыгал ребёнок от радости.

Присутствующие заулыбались, глядя на реакцию мальчишки. Славка схватил листок бумаги, положил его на стол

и начал рисовать, слегка прикусив кончик языка зубами, изредка взглядывая на журналиста.

— Опять ты, внучек. Перестань.

— Погоди, бабушка, не мешай.

Карандаш стремительно летал по листу, вырисовывая лицо. Анатолий с удивлением увидел, как появляются на бумаге черты его лица. Слава подал рисунок:

— Дарю вам.

Анатолий удивился: сходство с оригиналом было поразительное.

— Спасибо тебе, Слава, ты поражаешь меня, у тебя дар Божий.

— Я играю так, мне интересно и нравится. Когда я рисую, кажется, что все рисунки оживают.

— Да, ничего не скажешь. Покажешь свои рисунки?

— Покажу, у меня они в портфеле лежат.

— Место занимают, — проворчала бабушка. — Лучше бы с дедом стайку ходил чистить.

— Я же помогаю бабушке, — обиделся Славка.

— У нас в роду никто не мазал бумагу, а его оторвать невозможно. Был бы как все дети, а то в кого и уродился — неизвестно. У нас деды и прадеды были казаками, служили отечеству, пахали землю.

— Бабушка, я тоже в армию пойду, поиграю, порисую и перестану, да и маму я люблю рисовать, она со мной разговаривает, а вы запрещаете. Будете запрещать — убегу от вас искать маму, она сказала мне, что любит меня.

— Бог с тобой, некогда ей.

— Я знаю, не говорите мне ничего. Любит она меня!

— Успокойся. Конечно, любит. Какая мать своего ребёнка не любит? — бабушка прижала внучонка к груди и смахнула слезинку с глаз.

Залаяли собаки, у ворот просигналила машина.

— Поезжай, а я машину ремонтировать буду, — проводящая Анатолия, сказал Алексей.

Проехав через речку, «уазик» подъехал к маленькому домику, построенному из осиновых брёвнышек, стоявшему

на небольшом холме; в стороне — катон из досок, куда на ночь загоняли отару. На вершинах гор шумел лес, покрывшийся молодой светло-зелёной листвой, из которой вырывались тёмно-зелёные стрелы сосен. В распадке паслась отара овец. Председатель, журналист и Славка спустились туда.

— Семёныч, здравствуй! Расскажи нашему уважаемому корреспонденту, как у вас идут дела.

— Работаем потихоньку. В феврале был окот. Получили от ста маток по восемьдесят пять ягнят. Проблемы были, не хватало кормов, но затем привезли из другого хозяйства. Сакманщиков не хватало. Но и такие результаты радуют, для нашего трудного времени это хороший результат. Недавно с зимника перебрались на летник, пришлось хорошенько поработать. Построили катон и зимовье. Работа у нас нелёгкая, в любую погоду мы должны пасти отару, иначе не будет ни привесов, ни шерсти. Заболело несколько овцематок, пришлось отбить их в отдельную клетку. Отправьте нам ветврача, Семён Ефимович. Работу свою я люблю и не представляю, что у меня могла быть другая работа. Что ещё рассказать — не знаю.

Пока взрослые разговаривали мальчик, взяв палку, валяющийся возле пня, нарисовал на земле деревья, росшие возле ручья, овец, солнце и облака. Взрослые, обсудив свои дела, подошли к мальчугану, с любопытством рассматривая рисунок.

— Ишь ты, похоже нарисовал. Не думал я, что ты так рисуешь. Слышать-то слышал, а видеть не доводилось. Молодец, — одобрил Семёныч.

Он вытащил из кармана конфету, подал ребёнку.

— Рисуй дальше, — ласково потрепал его по голове.

На другой стоянке, пока взрослые находились в зимовье, Слава успел хорошо поработать — разрисовал избушку оранжевыми глиняными маками. Выйдя на улицу, все охнули.

— Сорванец, больше ты со мной не поедешь. Что надеялся, видишь? Всё зимовье испачкал, — рассердился Коган.

— Дяденьки, вы же видите, какая избушечка красивая стала, вся в маках, а была серая и некрасивая, — испуганно ответил мальчуган.

— В следующий раз спрашивай у взрослых, нужно раскрашивать зимовье или нет. Обещаешь?

— Обещаю. Я думал, что вы все обрадуетесь, а вы сердитесь, — надул губы Славка.

— Надо знать, где рисовать и чем рисовать. Ты усёк?

— Усёк. Больше не буду так делать.

— Теперь марш к умывальнику, отмывайся, и дальше поедем. Что я бабушке с дедом скажу, что у тебя одежда в глине?

— Вы не говорите, а рубашку и штаны я в речке прополощу, скажу, нечаянно упал в лужу.

— Ну-у, дружок врать нельзя, правду лучше сказать. Садись в машину, дальше поедем.

Тучи над «гнилым углом» рассеялись, разошлись по небу, и солнце вновь засияло в вышине.

— Семён Ефимович, вы восьмой год руководите СПК. Расскажите, пожалуйста, о себе: как вы попали в наши края, где работали раньше.

— Что рассказывать? Обыкновенная жизнь обыкновенного человека. Родился я в Смоленской области, в небольшой деревеньке. Закончил десять классов, после школы служил в Забайкалье, здесь встретил свою любовь Валентину Георгиевну. Обосновались в Чите, там я работал и учился в сельхозинституте. После окончания его поступил в аспирантуру, много лет проработал преподавателем в родном институте. У меня двое детей, у каждого из них свои семьи. Сын в Приморье, дочь в Питере. В управлении сельского хозяйства меня попросили принять СПК. Подумали мы с женой и решили пожить в селе. Восьмой год возглавляю это хозяйство, хлопот много, зато интересно, и люди у нас хорошие.

— Семён Ефимович поднял наше хозяйство, раньше у нас совсем плохо было, СПК на грани развала, работы не было, тяжело народу жилось, многие спивались. Сейчас появилась надежда, что село будет жить и процветать, — заметил Владимир Иванович, водитель Когана.

— Я вырасту — тоже шофёром буду, и работать буду здесь в селе, — звонко включился в беседу Славка.

— Будешь, будешь, — добродушно улыбаясь, ответил Семён Ефимович. — Слишком, Володя, ты захвалил меня, ничего особенного я не делаю, а только то, что должен делать каждый, — нахмурился он.

— Это моё мнение и мнение других сельчан!

— Да о чём говорить! Видите под горой зимовье? Работает на этой отаре Тимофей Завьялов. Зимой он вступил в схватку с бандитами и дал им достойный отпор.

— В нашей газете писали об этом событии. Посмотреть своими глазами на героя, который противостоял двум вооружённым преступникам, будет интересно.

— Он молодец, занимается дзюдо и карате. В нашей школе учитель физкультуры Орлов Евгений Иванович организовал курсы.

Завьялов встретил их возле катона, рядом стояла водовозка, поили овец. Смуглый от постоянного воздействия солнца плечистый юноша вызывал симпатию.

— Не скучно вам тут работать?

— У нас полная свобода: мой конь, я и мои собаки, без них как без рук, помогают пасти. Мы здесь наедине с природой, мы её дети. Работы много, скучать не приходится, — весело поблёскивая синими глазами, ответил Тимофей.

— Интересно, как вы справились с бандитами один?

— Приехали двое, потребовали барана, пришлось их поучить немножко.

— Было страшно?

— Без страха как жить? Все боятся, но защищать себя надо. Они замышляли недоброе, видел по их глазам, разговору и действиям. Спасибо Евгению Ивановичу, который научил нас приёмам дзюдо и карате.

— Проблемы на данный момент есть? — спросил председатель после осмотра помещений.

— Пока нет, Семён Ефимович. Можно я Славке покажу кое-что?

Они зашли в зимовье.

— Тебе нравится? — он дал мальчугану вырезанного из корня ольхи зайца.

— Ой, какой зайчонок красивый! — мальчишка с мольбой посмотрел на Тимофея.

— Возьми, малыш, я сегодня добрый.

— Спасибо! Ох, какой! — от избытка чувств он запрыгал от радости.

— Ну что ты, что ты! Бери и играй, я ещё сделаю, — улыбнулся Тимофей.

Подъехав к дому, Анатолий, войдя со Славкой в ограду, первым делом спросил Алексея:

— Машину отремонтировал?

Тот безнадежно махнул рукой:

— Засели капитально.

Славка долго возился с подаренной ему игрушкой, потом поставил на комод. Анатолий, сидя за столом, писал очерк, поглядывая на мальчишку.

— Слава, ты мне обещал показать рисунки.

— Ой! Я и забыл. Сейчас покажу.

Он вынул из портфеля свои рисунки. Анатолий внимательно смотрел и поразился способности мальчугана передавать образ, до того похожий на оригинал, что даже не верилось, что ему недавно исполнилось семь лет.

— Это кто? — спросил Ермолин, увидев нарисованный на тетрадном листе портрет женщины, темноволосой сероглазой красавицы.

— Моя мама, она самая лучшая и красивая. Я её всё равно дождусь, она помнит обо мне, ей просто некогда сейчас, бабушка и дедушка говорят, что у неё много работы. Это наша речка, летом мы каждый день купаемся в ней, — показал он очередной рисунок. — Это бабушка с дедушкой, а это мой друг.

— Он у нас хороший, только по маме сильно скучает, — сказала Анна Елизаровна, подойдя к ним. — К тебе Борька пришёл, — сказала она внуку, — сидит он на лавке.

— Тогда я пошёл.

Он убежал на улицу.

— А где его мать?

— В Самаре. Вышла замуж, родила ещё двоих детей. Её мужику чужой ребёнок не нужен, вот и живёт Славка у нас.

Мы в нём души не чаем, хотя и хлопотно иногда, привыкли и жить без него уже не сможем,

— Больше всего Славка рисует портреты мамы, — перекладывая листы бумаги, заметил Анатолий.

— Маленький был — постоянно рисовал свою мать, из-за этого начал рисовать, наверное. По телевизору увидит телеведущую с тёмными волосами, пальчиком показывает: «Мама, мама!» И сейчас ещё его сердчишко беспокойно, ждёт и не может дождаться мамы, а она взять не может его к себе.

— Да, история, которая заставляет задуматься. Вы, Анна Елизаровна, не запрещайте ему рисовать: вдруг из него получится гениальный художник?

— Бумаги на нашу пенсию много не наберёшь, а ему только её и подавай, хоть целый воз.

— Постараюсь помочь вашему горю, отправлю вашему внуку альбомов, краски и карандаши. Чем смогу — помогу.

Вечером, стоя возле ворот, Ермолин нечаянно взглянул на одуванчики, растущие возле забора, покрытые пылью. Его как будто толкнуло. Славка со своим чутким сердечком, открытый и уже познавший удары судьбы, — он так же, как этот цветок в пыли, незащищен. Что ждёт его?

Эта мысль и на следующий день жгла душу Анатолия, и когда они ехали в Зареченск и машину на тросу тянул до города грузовик. Судьба ребёнка взволновала Ермолина, и он решил, что обязательно напишет о талантливом мальчугане. По жизненным дорогам все идём, а куда? Своего будущего не знает никто.